

ЗАВѢТЫ ФЕВРАЛЯ.

Въ опредѣленныхъ кругахъ эмиграціи, склонныхъ къ политическому доктринерству и социализму, опять заговорили о «традиціяхъ», «завѣтахъ» и «идеалахъ» февральской революціи (1917 г.), объ ихъ единоспасительности и о необходимости вернуться къ нимъ. Поскольку при этомъ подразумѣваются личныя мечты февральскихъ дѣятелей, постольку мы въ этомъ вопросѣ не компетентны. Это дѣло будущей исторіи и притомъ ея біографической части: февралисты уже выпустили цѣлый рядъ мемуаровъ, и ихъ будущіе біографы, навѣрное, сумѣютъ установить, каковы были ихъ мечты, идеалы и намѣренія. Но для Россіи февральская революція нисколько не сводится къ этимъ мечтамъ и идеаламъ: она представляетъ изъ себя рядъ фатальныхъ для русской исторіи дѣяній и событій, которыя имѣли совершенно опредѣленный политическій уклонъ и неизбѣжно вели къ совершенно опредѣленнымъ послѣдствіямъ. И когда намъ начинаютъ восхвалять эту злосчастную, постыдную и мучительную эпоху и рекомендовать этотъ политическій уклонъ какъ единоспасительный, то мы чувствуемъ себя обязанными открыто и недвусмысленно формулировать сущность этихъ дѣяній и этихъ «завѣтовъ». Предоставимъ февральскимъ дѣятелямъ повѣствовать о своихъ идеалахъ и вздыхать о своихъ мечтахъ; предоставимъ имъ оправдываться передъ Богомъ, передъ своею совѣстью и передъ русскимъ народомъ. Насъ интересуетъ не ихъ субъективно-политическія переживанія, а объективно-государственный профиль февраля.

Въ февральской революціи надо различать стихійно-массовый процессъ военного разочарованія, смятенія, возмущенія, бунта, разнузданія и духовнаго разложенія: здѣсь дѣйствовали не «идеалы» и не «завѣты», а нежеланіе итти на фронтъ, массовыя вождедѣнія и страсти. Это была не политика, а длительный и нараставшій эксцессъ, поощрявшійся и разжигавшійся слѣва. Отъ этого противогосударственнаго и анархическаго «эксцесса снизу» надо отличать политическую тактику сверху. Мы будемъ сейчасъ говорить не о томъ, что дѣлала «улица», «толпа» или «масса», а о тѣхъ директивахъ, которыя проводились въ жизнь сверху, о мѣрахъ Временнаго Правительства, воспринявшаго «всю полноту власти».

Конечно, дѣятели февраля могутъ сказать намъ, что улично-революціонная и совдепско-большевицкая ситуація была такова, что они ничего иного не могли дѣлать, кромѣ того, что дѣлали; что у нихъ не было выбора; что въ ихъ распоряженіи не было ни силъ, ни средствъ; что они просто «рушились» вмѣстѣ съ госу-

дарственнымъ аппаратомъ, съ арміей и національнымъ хозяйствомъ и только старались обрушиться подостойнѣе. Но если такъ, то въ чемъ же традиціи и завѣты февральскаго Временнаго Правительства? Не въ томъ ли, чтобы рушиться въ либерально-гуманно-демократической позѣ и «политически фигурировать» на тающей льдинѣ, уносимой полою водою революціи? О такой традиціи не стоило бы говорить; къ такимъ «завѣтамъ» нечего и призывать. Дѣло, конечно, обстоитъ иначе: февралисты и нынѣ поддерживаютъ свои директивы и мѣры, считаютъ ихъ правильными и призываютъ новыя поколѣнія русскихъ людей воспринять ихъ и подражать имъ.

Вѣдь на самомъ дѣлѣ правительство, говорившее и рѣшавшее дѣла отъ лица русскаго государства съ марта по ноябрь 1917 года, дѣйствовало, повелѣвало, разрѣшало, издавало указы и законы, назначало и увольняло, прокладывая совершенно опредѣленные пути и создавая совершенно опредѣленныя традиціи («завѣты»). Какіе же это были пути и какія традиціи, заслуживающіе преклоненія и подражанія?

1. Тактика февраля началась 1 ноября 1916 года рѣчью Милюкова въ Государственной Думѣ, направленной противъ Государя и стремившейся подорвать въ народѣ всякое довѣріе къ нему и его семьѣ. Слова «глупость или измѣна» были восприняты всей страной какъ обоснованное обвиненіе Императора въ національной измѣнѣ и какъ «штурмовой» сигналъ къ «революціи — во имя побѣды». На самомъ же дѣлѣ Милюковъ не имѣлъ никакихъ данныхъ для такого обвиненія и самъ зналъ, что онъ никакихъ данныхъ не имѣетъ. Слѣдственная комиссія Н. К. Муравьева, состоящая сплошь изъ лѣвыхъ дѣятелей, установила въ дальнѣйшемъ полную неосновательность этого обвиненія. А Государь и его семья запечатлѣли впослѣдствіи свою вѣрность Россіи страшною смертью. Это означаетъ, что измѣна была не на сторонѣ Монарха, а на сторонѣ его инсинуаторовъ и диффаматоровъ (ибо выступленіе Милюкова было обдуманно и рѣшено не имъ единолично).

Такова исходная директива февраля: поднять революцію во время войны, не считаясь съ войной, прикрываясь ея цѣлями, — и начать эту революцію измѣнническою клеветою на законнаго Государя.

2. Слѣдующимъ актомъ революціи былъ «Приказъ № 1». Намъ безразлична подробная исторія его составленія и опубликованія, не существенны и имена его составителей. Существенно то, что онъ, по своему точному тексту и смыслу, сдѣлалъ слѣдующее: 1). Онъ ввелъ въ армію выборные «Комитеты отъ нижнихъ чиновъ» и призвалъ въ Совдепъ представителей отъ «воинскихъ частей» (пункты 1 и 2); 2). Политически — онъ подчинилъ армію выбраннымъ комитетамъ и Совдепу, введя тѣмъ двоевластіе и предоставивъ право и комитетамъ, и Совдепу дезавуировать приказы Военнаго Командованія (п. 3); 3). Онъ противопоставилъ приказамъ Военной Комиссіи Государственной Думы — приказы Совдепа и ввелъ тѣмъ троевластіе, т. е. полную и окончательную смуту (см. п. 4); 4). Онъ изъ-

яль все оружїе арміи изъ вѣдѣнїя ея команднаго состава, отдавъ его въ распоряженіе ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ; этимъ онъ вызывающе деградировалъ все русское офицерство въ глазахъ солдатъ и всего народа (п. 5); 5). Въ строя и службы — онъ провозгласилъ «политическія права солдата», отмѣнилъ вставаніе во фронтъ и отданіе чести (п. 6); 6). Наконецъ, онъ отмѣнилъ субординаціонное титулованіе команднаго состава и превратилъ солдатскіе ротные комитеты въ судилище надъ офицерами (п. 7). — Всѣмъ этимъ онъ вовлекъ армію въ революціонную политику и революціонное разложеніе и сдѣлалъ ее совершенно небоеспособною.

Этотъ приказъ мы цитируемъ по тексту, помѣщенному въ номеръ 3-мъ «Извѣстій Петроградскаго Совѣта». Текстъ его, найденный нами во французскомъ изданіи книги Керенскаго, — не соотвѣтствуетъ подлинному и первоначальному русскому тексту: онъ переведенъ неточно-смягчающе, пунктъ четвертый пропущенъ совсѣмъ, такъ же какъ и пунктъ о «невставаніи во фронтъ» и «неотданіи чести».

Напрасно указываютъ на то, что «Приказъ № 1» касался только «гарнизона Петроградскаго Округа»: въ дѣйствительности онъ былъ разосланъ по всей русской арміи, читался и примѣнялся вездѣ.

Существенно также, что этотъ приказъ не былъ отмѣненъ ни военнымъ министромъ, ни Временнымъ Правительствомъ, ни революціонной Думой. Мало того, провозглашеніе «политическихъ правъ солдата» было черезъ нѣсколько дней подтверждено всѣмъ составомъ Временнаго Правительства, а также приказомъ № 114 военного министра Гучкова, о чемъ сообщаетъ въ своихъ воспоминанїяхъ и Керенскій (стр. 168 и сл., стр. 395 франц. изданїя).

Такова вторая директива февраля: политизировать воюющую армію, подорвать военную субординацію въ ней, и, слѣдовательно, — внести въ нее революцію, разложить ее и лишитъ ее боеспособности — все это изъ опасенїя, какъ бы вѣрная армія не подавила революцію.

3. Слѣдующимъ актомъ революціи была амнистія всѣмъ преступникамъ, какъ политическимъ, такъ и уголовнымъ. Она была дана 19 марта 1917 года. О ней не разъ упоминаетъ въ своихъ воспоминанїяхъ начальникъ Всероссійскаго Уголовнаго Розыска А. Ф. Кошко (томъ I, стр. 214, т. II, стр. 22, т. III, стр. 151). По соображенїямъ, подсказаннымъ фальшивою сентиментальностью и полнымъ отсутствїемъ государственнаго смысла, — въ хаосъ революціи было выброшено нѣсколько сотъ тысячъ опытныхъ воровъ и удостовѣренныхъ убійць, которые тогда же объединились на съѣздѣ «уголовныхъ дѣтелей» и, конечно, начали, какъ надо было предвидѣть, «новую жизнь»: одна часть вступила въ коммунистическую партію и даже прямо въ ЧК, другая «завязалась» въ толпѣ и возобновила свою прежнюю дѣятельность, но уже не угрожаемая распавшимся уголовнымъ розыскомъ...

Такова третья директива февраля: отъ «гуманной» вѣры въ «человѣка» и отъ доктринерской вѣры въ «свободу» — разнуздать всѣ наличныя въ странѣ злыя и преступныя силы: отъ большевиковъ до профессиональных рецидивистовъ.

4. Слѣдующимъ актомъ Временнаго Правительства былъ разрывъ съ политически-опытными социальнo-почвенными силами, ликвидація всего наличнаго государственнаго аппарата, какъ якобы контрреволюціоннаго, и повальное дезавуированіе прежней администраціи. Въ результатъ этого распались всѣ силы, способныя поддержать порядокъ, а силамъ безпорядка были открыты всѣ возможности. На мѣсто профессиональнаго администратора — сталъ дилетантъ; опытные дѣятели порядка замѣнились неопытными, но пронырливыми болтунами; наивнѣйшіе «общественные дѣятели» взяли за дѣло, въ которомъ они ничего не понимали; и даже въ славный и мудрый Правительственный Сенатъ были введены бездарные доценты и лѣво-радикальные адвокаты.

Такова четвертая директива февраля: разрушить аппаратъ государственнаго порядка, которымъ держалась страна, на всѣ мѣста выдвигать лѣвыхъ, независимо отъ ихъ неопытности, неумѣнія, бездарности, неискренности и авантюризма — т. е. снижать качество государственнаго кадра въ странѣ.

Систематическое разрушеніе государственнаго аппарата, проводившееся Временнымъ Правительствомъ, объясняется прежде всего отвращеніемъ февралистовъ къ государственному принужденію.

5. Въ русскомъ либералѣ 19-го вѣка дремалъ сентиментальный анархистъ: либералъ начиналъ съ мечты о свободѣ, воспринималъ отъ всего христіанства одно только требованіе «гуманности», отрицалъ «насиліе», а потомъ и «всякое принужденіе» и кончалъ въ безвластьѣ. Такъ, для Керенскаго (Воспомин., гл. 1) — государственное принужденіе сводится къ «террору» и «гильотинѣ», смертная казнь есть для него «классическое орудіе самодержавія»; въ русской дореволюціонной администраціи онъ видитъ «лакеевъ и палачей Николая II». Все это, конечно, отвергается съ негодованіемъ. Напротивъ, Временное Правительство «творило новое государство», основанное на «любви къ ближнему», на «гуманности, терпимости, прощеніи и кротости». Внѣшне это выглядѣло, какъ «слабость», но на самомъ дѣлѣ требовало, видите ли, «великой силы характера».

Вотъ откуда это разложеніе власти: февралисты ничего не понимали и нынѣ ничего не понимаютъ въ государствѣ, въ его сущности и дѣйствіи. Тайна государственнаго импонированія; сила повелѣвающаго и воспринимающаго внушенія; секретъ народнаго уваженія и довѣрія къ власти; умѣніе дисциплинировать и готовность дисциплинироваться; искусство вызывать на жертвенное служеніе; любовь къ Государю и власть присяги, тайна водительства и вдохновеніе патріотизма — все это они просмотрѣли, разложили и низвергли, увѣряя себя и другихъ, что Императорская Россія держалась «лакеями и палачами», что вся сила государства — въ краснорѣчивомъ «уговариваніи» и что этимъ искусствомъ они

владѣють какъ никто. Понятно, почему Временное Правительство не организовывало никакихъ вѣрныхъ ему воинскихъ частей; почему оно въ критическую минуту имѣло за себя только добровольцевъ-юнкеровъ и женскіе батальоны, и, наконецъ, почему оно не могло оборонить Учредительное Собрание. У сентиментальныхъ дилетантовъ отъ политики — все расплзлось и пошло прахомъ.

И вотъ пятая традиція февраля: государство безъ принужденія, безъ религіозной основы, безъ монархическаго благоговѣнія и вѣрности, построенное на силахъ отвлеченнаго довода и прекраснословія, на паѳосѣ безрелигіозной морали, на сентиментальной вѣрѣ во «все высокое и прекрасное» и въ «разумъ» революціоннаго народа. Словомъ: «демократизмъ» въ состояніи анархическаго умиленія.

6. Однако, разрушеніе государственнаго аппарата, проводившееся Временнымъ Правительствомъ, имѣло еще одно весьма трезвое основаніе: страхъ передъ правыми и передъ, якобы, подготовляемой ими «контрреволюціей».

Страхъ передъ правыми былъ психологически понятенъ: слишкомъ долго боролись лѣвые съ Императорскимъ Правительствомъ; слишкомъ импонировалъ имъ его административный аппаратъ; слишкомъ суровое возмездіе предносилось каждому изъ нихъ въ случаѣ провала революціи и торжества консервативной государственности. Къ этому присоединились еще инерція и близорукость. Но политически этотъ страхъ былъ противогосударственъ и необоснованъ. Противогосударственъ — потому, что спасеніе Россіи требовало объединенія всѣхъ политическихъ и государственно-опытныхъ силъ, каковыя находились именно справа, а не въ кругахъ революціоннаго подполья, открывшаго «Всероссійское Учредительное Собрание» пѣніемъ гнуснаго «интернаціонала». Необоснованъ этотъ страхъ былъ потому, что овцы, потерявшія пастыря, разсѣялись, а угрожающіе выкрики Маркова-Второго о «многомилліонномъ Союзѣ Русскаго народа» были обманны: онъ просто искалъ субсидій и заискивалъ у Государя. Въ теченіе всего 1917 года опасность грозила слѣва, а не справа. Это понимали всѣ трезвые и патріотически настроенные люди, кромѣ Временнаго Правительства, которое боролось противъ «правыхъ», включая сюда и демократически настроенныхъ Корнилова и Деникина, и браталось съ лѣвыми — по совдепамъ и въ комиссаріатахъ разлагаемой арміи.

Такова шестая директива февраля: опасаться мнимой контрреволюціи, срывать ея начинанія всѣми средствами, вѣрить въ революціонную демократичность большевиковъ и брататься съ ними.

7. Было бы, однако, несправедливо приписывать февралистамъ только сентиментальное примиренчество. На внутреннемъ соціальномъ фронтѣ они вели замаскированное, но успѣшное наступленіе.

Авторъ настоящей статьи состоялъ лѣтомъ 1917 года членомъ Волостного Исполкома и предсѣдателемъ Волостнаго Комитета по выборамъ въ Учредитель-

ное Собрание. Онъ имѣлъ возможность наблюдать агитацію партіи социалистовъ-революціонеровъ среди крестьянъ и самъ читалъ и разъяснялъ вслухъ членамъ Вол. Исполкома приказъ министра земледѣлія Чернова, въ которомъ выдвигалось два тезиса: 1). Высококультурныя помѣщичьи имѣнія должны быть сохранены до Учредительнаго Собранія. 2). Такихъ имѣній чрезвычайно мало. — Выслушавъ этотъ приказъ, крестьяне дѣлали выводъ, что «Временное Правительство разрѣшаетъ немедленно приступить къ раздѣлу всѣхъ остальныхъ имѣній», тогда какъ комментаторъ доказывалъ имъ анархическую, преступную и противогосударственную природу этого погромнаго приказа. Такимъ образомъ, Черновъ призывалъ къ аграрнымъ погромамъ, Керенскій выслушивалъ призывы съ мѣстъ о помощи и отказывалъ въ защитѣ, а провинціальныя дѣятели ихъ партіи организовывали подвижныя погромныя отряды.

Такова еще одна традиція февраля: немедленно проводить желательный имущественный передѣлъ, осуществляя его въ видѣ фактическаго захвата и разгрома, но въ сентиментально-непротивленчески-замаскированной формѣ, приписывая его «революціонной активности массъ». Учредительное Собрание должно было быть поставлено передъ совершившимся фактомъ. Само собою разумѣется, что никакая сила не могла удержать солдатъ въ арміи при извѣстіи, что «черный передѣлъ» въ странѣ идетъ полнымъ ходомъ.

8. Въ то же самое время февралисты, разложивъ армію и порядокъ въ странѣ, и замаскированно поощряя черный передѣлъ, попытались, въ успокоеніе союзниковъ, продолжать войну, что и закончилось позоромъ Тарнополя и Риги. Мнимое «предательство революціи» главнокомандующимъ Корниловымъ должно было прикрыть весь этотъ жалкій провалъ.

Такова восьмая традиція февраля, традиція полнаго государственнаго и стратегическаго безсмыслія.

Съ насъ довольно этого: основныя традиціи февральской революціи вскрыты и формулированы. Онѣ выражались не въ словахъ, въ которыхъ аффективно изливались общія мѣста радикальнаго либерализма, революціонной демократіи и сентиментальной гуманности, а въ дѣяніяхъ, въ приказахъ, въ назначеніяхъ и смѣщеніяхъ, а также въ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ всего этого, погубившихъ Россію, ея свободу и ея демократическія возможности. Вся эта политическая линія проявила такую государственную наивность, такое политическое безволіе, такую правительственную неспособность, что стыдъ и ужасъ овладѣваетъ русскимъ сердцемъ, когда теперь вновь раздаются призывы къ возрожденію этихъ традицій и когда газеты приносятъ доказательство того, что февралисты опять собираются брать въ свои руки «всю полноту власти»...

Но страшень сонъ, да милостивъ Богъ!